

Оригинальная статья

УДК 18

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-5-18-27>

Концептуализация имперских маркеров в архитектурном ансамбле Будапешта

Юлия Михайловна Мальцева

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
maltsevajulia@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0230-6156>*

Введение. В статье представлен анализ ключевых архитектурных сооружений и общего пространства исторического центра Будапешта с целью выявления его ключевых смысловых, эстетических, семантических, культурных доминант. Актуальность этой темы обусловлена фактическим недостатком рефлексии городского пространства Будапешта, хотя очевидна его взаимосвязь и структурные сходства с имперскими городами Европы. Научная новизна статьи – в разработке и уточнении современного содержания понятия имперского города-феномена, существующего в отсутствие империй, его наполнения, в том, как оно может быть формализовано на индивидуальном примере архитектурного облика Будапешта.

Методология и источники. Аналитический инструментарий модерности насквозь национален, в то время как империя не может быть описана в рамках какой-то одной модели, при помощи какого-то одного метанарратива. Имперский город выступает в качестве «археологии», понимаемой в духе постструктуралистской фукианской парадигмы, подвергающей деконструкции базовые и нормативные идеи социальных наук.

Результаты и обсуждение. Специфика соотношенности маркеров имперскости в городском пространстве Будапешта состоит в следующих чертах: в первую очередь, тема «второй столицы», по сравнению с Веной, созвучна общей национальной теме «сиротства» венгерской культуры; в то же время замысловатое сочетание ссылок на имперские маркеры и эстетико-стилевые решения других городов Европы демонстрирует вторичность и эфемерность, самореферентность этих отсылок. Кроме того, сакральным центром Будапешта является не главный храм, а здание Парламента, воплощающее в себе главный национальный, культурный, идеологический проект.

Заключение. В результате проведенного исследования выявлены основные особенности конституирования имперского облика Будапешта и обстоятельства его формирования. Резюмируя некоторые важнейшие исторические тенденции, определившие архитектуру этого города, его эстетический и архитектурный облик, можно сформулировать вывод о том, что Будапешт является нерепрезентативным знаком, отражением, симулякрим имперского города, отсылающим ни к какой-то конкретной империи, а к большинству империй одновременно.

Ключевые слова: империя, имперский город, Будапешт, семиотика города, архитектура города

Для цитирования: Мальцева Ю. М. Концептуализация имперских маркеров в архитектурном ансамбле Будапешта // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 5. С. 18–27. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-5-18-27.

© Мальцева Ю. М., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Conceptualization of Imperial Markers in the Architectural Ensemble of Budapest

Yulia M. Maltseva

*Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia,
maltsevayulia@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0230-6156>*

Introduction. This article presents an analysis of the key architectural structures and the general space of the historical center of Budapest in order to identify its key semantic, aesthetic, cultural dominants. The relevance of this article is due to the actual lack of reflection of the urban space of Budapest, although its relationship and structural similarities with the imperial cities of Europe are obvious. The scientific novelty of this article lies in the development and refinement of the modern content of the concept of an imperial city – a phenomenon that obviously exists in the absence of empires, its content, as it can be formalized on an individual example of the architectural appearance of Budapest.

Methodology and sources. Since the analytical tools of modernity are thoroughly “national”, while the empire cannot be described within the framework of any one model with help of any one metanarrative. Thus, the imperial city acts as an “archeology” understood in the spirit of the post-structuralist Foucauldian paradigm, deconstructing the basic and normative ideas of the social sciences.

Results and discussion. The specificity of the correlation of imperial markers in the urban space of Budapest consists in the following features: first of all, the theme of the “second capital” in comparison with Vienna is consonant with the general national theme of “orphan hood” of Hungarian culture; at the same time, an intricate combination of references to imperial markers and aesthetic and stylistic solutions to other European cities demonstrates the secondary and ephemeral, self-referential nature of these references. In addition, the sacred center of Budapest is not the main temple, but the Parliament building, which embodies the main national, cultural, ideological project.

Conclusion. As a result of the study there were revealed the main features of the constitution of the imperial image of Budapest and the circumstances of its formation. Summarizing some of the most important historical trends that determined the architecture of Budapest, its aesthetic and architectural appearance and the influence that it experienced from other imperial cities, we can conclude that Budapest is a non-referential sign, reflection, and simulacrum of an imperial city that does not refer to any particular empire and to most empires at the same time.

Keywords: empire, imperial city, Budapest, city semiotics, city architectonics

For citation: Maltseva, Yu.M. (2022), “Conceptualization of Imperial Markers in the Architectural Ensemble of Budapest”, *DISCOURSE*, vol. 8, no. 5, pp. 18–27. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-5-18-27 (Russia).

Введение. Несмотря на то, что в языке истории прочно закреплены понятия империи и имперского города, в современной ситуации, предполагающей город как форму конкретного и преимущественного существования культуры, понятие имперского города нуждается в дополнительном гуманитарном осмыслении – культурологическом, философском. Концепция имперского города так, как она вошла в язык истории, объемлет в себе город, независимый политически, юридически, экономически; он существовал одновременно с такой фор-

мой организации и управления, как свободные города, постепенно сливаясь в одну группу свободных имперских городов. Исторический и политический дискурсы обладают представлениями об империи; можно даже утверждать, что история человечества написана как история существовавших на земле империй. Сегодня в отсутствии формальных, официальных империй и очевидного существования городов, все еще маркированных имперскими, создается крайне актуальная исследовательская ситуация, а также проблема своеобразия группировки похожих имперских маркеров: дворцов, музеев, триумфальных арок, площадей, театров, других сооружений и монументов, демонстрирующих всестороннее величие и мощь призрака империи.

Методология и источники. Для решения поставленной в настоящей статье задачи концептуализировать архитектуру имперскости в чертах имперского города контекстуально совмещаются диахронический и синхронический методы, метод сравнительного анализа, семиотический и археологический подходы для обеспечения различной исследовательской оптики. Архитектурно-городской ландшафт Будапешта разнообразен и включает в себя руинированные остатки античной архитектуры (Аквинкум), элементы готической архитектуры, некоторое, но вовсе не решающее, как в других имперских городах, количество барочных зданий, а также сооружений, решенных в стиле классицизма. Кроме того, в современном ландшафте Будапешта прослеживается и тот факт, что Венгрия дала Европе одну из важнейших фигур баухауса – это Ласло Мохой-Надь. Особенно интересной и стилистически цельной выглядит здесь фигура «прекрасной эпохи», демонстрируя то, как могла бы выглядеть Европа, не случись войны 1914 года, к счастью, не разрушившей этот имперский столичный город.

Композиция архитектурного ансамбля центра Будапешта создает ощущение цельности, кажется, что атмосфера XIX века все еще не покинула его, переливаясь маркерами имперскости, сформированными городской средой совершенно особо. Действительно, композиционная стилистика Будапешта отличается и от Вены, и от постоянно трансформирующегося демографически, архитектурно и стилистически Лондона, и от не раз кардинально перерождавшейся Москвы, и от меняющегося Парижа, и от трижды переименованного Петербурга, – этих имперских городов, сразу приходящих на ум для сравнения. Демонстрируя симметрию и блеск дуалистической монархии, двуединой империи не только в расположенных в Пеште зданиях, но и во множестве деталей – почтовых ящиках, мозаиках, витражах, кованых оградах, центр Будапешта будто подчинен иному хронотопу, не поврежденному войной.

Результаты и обсуждение. В отличие от других европейских городов, исторический центр Будапешта, как и Петербурга, был возведен по единому плану. Концептуально он сложился к празднику Тысячелетия Венгрии. Как и в Петербурге, в Будапеште существовал строительный регламент, определявший высоту сооружений в четыре этажа, внешний облик фасадов и даже окон, в силу чего его композиционная неоренессансная и неоклассицистская стройность особенно заметна. Плавно протекая вдоль невысоких зданий, проспект Андраши впадает в площадь Октогон. Кварталом далее возникает Оперный театр, стилистически более изящный, чем венский, больше, пожалуй, ассоциирующийся с парижской Оперой Гарнье.

Современные здания на территории исторического центра присутствуют лишь частично, замещая утраченные во время войны. При этом они не стилизованы под архитектуру

времен Австро-Венгрии, а заменяют их, не разрушая композиционную цельность, выступая в какой-то мере зеркальной сущностью в том смысле, в котором зеркало трактует М. Фуко: как механизм свидетельства подлинности существования того, что любая отражающая, зеркальная, стеклянная поверхность осуществляет одним своим наличием [1].

Стоит отметить, что в архитектуре Будапешта второй половины XIX в. доминируют эклектика и историзм. Это связано с возникновением тенденций к государственному и национальному возрождению венгерской нации, что нашло яркое отражение в архитектурных чертах, формирующих облик второй столицы Австро-Венгрии. Стилистические следы первой столицы – Вены, конечно, прослеживаются в архитектурных ансамблях Будапешта, и тема соперничества приходит в голову сама собой. Касается оно, впрочем, не только устройства города, но и мелочей вроде главного десерта – торта Жербо, наводящего на мысли о легендарном Захере. По примеру Ринга в Вене устроена система кольцевых бульваров, открыт первый на континенте метрополитен – предмет законной гордости. Особую важность на границе XIX и XX вв. представляют работы по строительству на месте Будапештского замка королевского дворца по проекту А. Гаусмана и М. Ибла. Они создали ансамбль в стиле неоренессанса с сохранением остатков готических построек и элементов барочных сооружений. Венчал дворец необарочный купол, превративший сооружение в одну из важнейших доминант Будапешта.

Другим символом культуры венгров, их историческим знаменем, связывающим венгерскую идентичность с проблематикой обретения родины, является двубашенная купольная базилика Св. Стефана, выполненная в барочно-ренессансном стиле по проекту М. Ибла и И. Хильда. Представляя собой монументальное сооружение культового назначения, базилика не является ни смысловым, ни логическим центром Будапешта, так же как христианство для венгров (не европейцев по рождению), вероятно, выступало не столько метафизической доктриной, сколько культурным выбором и абсорбацией некоторых паттернов и институций, удостоверяющих и легитимизирующих процесс и результат выбора новой для мадьяр родины. Действительно, венгерские племена пришли в Европу, заняв Карпатский бассейн, как и считавшиеся некоторое время родственными им народы: гунны, алеманны и франки. В отличие от них монголы, сведения о которых имеются в летописном и мифологическом корпусе мадьяр, появившись в этих местах, вернулись обратно на восток – территориальный и культурный; венгры же остались.

Приняв христианство, венгры обрели легитимный статус и родину в центре Европы: так, правителю мадьяр Арпаду важно было не только стать первым среди равных, но и обрести легитимность, дающуюся в Риме. И действительно, уже его праправнук будет коронован легатом Сильвестра II, что включает в себе комплекс политических, культурных, цивилизационных смыслов, и во вторую очередь – непосредственно доктринальных. На это указывает Аноним [2], и косвенными подтверждениями этого являются особая природа отправления христианского культа, связанная в основном с фигурой Св. Стефана и священной историей, где главным выступает, скорее, сюжет обретения родины, чем житие Христа, отсутствие особо значимых богословских исследований на венгерском языке и т. п. Еще одним сюжетом, связанным с утверждением христианства как цивилизационного выбора, является столкновение и борьба с османами. Битва при Мохаче (1526 г.) стала первой нацио-

нальной катастрофой, которая прервала развитие процессов государственного строительства у народа, оказавшегося под управлением турок, мусульман, обрекла на два века неудачных восстаний и безнадежных войн (здесь напрашивается параллель с Русью и Золотой Ордой). Тем не менее трансформации идентичности в азиатскую, мусульманскую сторону Венгрия, будучи индоктринирована и легитимизирована в христианской ценностной размерности, не претерпела.

В этом смысле не случайно то, что смысловым, композиционным, логическим, стягивающим к центру символические, архитектурные и стилистические черты Будапешта является неоготическое, безупречное, симметричное, сочетающее в себе элементы неовизантийского стиля и мерцающие черты необарокко здание Парламента (арх. И. Штейндл) на набережной Дуная, а вовсе не базилика Св. Стефана. Несмотря на равную высотность – 96 м, это смещает сакральные имперские смыслы в область государственного, политического, социального, гражданского, национального.

Самое большое в Будапеште, но при этом изящное, будто парящее над набережной здание Парламента неуловимо напоминает Вестминстерский дворец, но в то же время является исключительно самобытным. Деля символы государственности и главные национальные реликвии – десницу Св. Иштвана, его же золотую корону с характерным погнутым (предположительно в XVII в. при османском нашествии) крестом, которой короновали всех венгерских монархов, будучи духовным и политическим национальными символами, сравниться по масштабу эти два строения, базилика и Парламент, конечно, не могут.

Парламентский комплекс воплощает идею национальной и культурной самобытности, эмансипации, что выражается не только в его внешнем облике, но и во внутренней отделке: роскошные залы и лестницы, изобилие золота, драгоценных и полудрагоценных камней в убранстве, росписи и живопись К. Лотца и М. Мункачи – несомненно, Парламент является вершиной идеологического оформления Будапешта. Своим торжественным и изысканным обликом он выступает символом и тяжело доставшейся нации государственности, и культурного расцвета. Так, концу XIX в. в Будапеште выходило больше ежедневных газет, чем в Лондоне или Берлине, существовало около шести сотен кафе (кафе «Нью-Йорк» на проспекте Андраши и по сей день одно из самых фешенебельных), несколько популярных светских салонов и насыщенная театральная жизнь: «В один вечер буднего дня был выбор, например, между “Летучим голландцем” Рихарда Вагнера, “Медеей” Франца Грильпарцера и “Еленой Прекрасной” Жака Оффенбаха, не считая пары-тройки легких народных комедий» [3, с. 142].

Окончательно формируясь в единый архитектурный ансамбль, знаковые строения Будапешта представляют его как город с имперской архитектурно-семантической средой, чрезвычайно насыщенной отсылками к стилистике столиц реальных империй: здание Западного вокзала оснащено стеклометаллическими конструкциями Г. Эйфеля; зал и казино «Вигадо» демонстрируют смесь византийской, романской и мавританской стилистики, характерной для венгерского романтизма; здание Оперного театра, по уверениям местных жителей, затмило в глазах императора Франца Иосифа Венскую оперу; совсем уж откровенной исторической декоративной стилизацией выступает Рыбацкий бастион (1905 г.).

Специфична и архитектура города, образованного из гористой Буды и равнинного Пешта. Объединенные в 1873 г., они представляют собой замысловатую символическую

конструкцию, связанную с перепадом вертикалей и горизонталей в городе с их специфическим семантическим наполнением, отраженным в корпусе городской мифологии, делящей город дихотомически (а не натрое, имея в виду присоединенный к территории города небольшой город Обуда), противопоставляющий высотные доминанты Буда равнинным пространствам Пешта. Удвоение такая сложная архитектоника находит и в содержательных аспектах жизни Будапешта: действительно, столицей (если этот статус не переходил в разные исторические периоды на какое-то время Вишеграду или Секешфехервару) являлся город Буда, вершину холма которого венчал Будацкий замок. Его главное нынешнее здание – Королевский дворец – располагается на месте аналогичных средневековых построек, возведенных королями Д'Анжу, расширенными и укрепленными при Жигмунде (Сигизмунде) Люксембургском, живописно украшенными при короле Матьяше, увенчанные властно взмывающими вверх башнями и шпилями, выше которых располагались разве что шпиль церкви святого Матьяша. В действительности и эту доминанту, не давая ей стать единственной или главной, превосходит еще одна: выше и храма, и дворца на вершине горы Геллерт располагается австрийская цитадель, служившая венграм напоминанием и символом тиранического абсолютизма.

Крепость, возведенная императором Францем Иосифом после подавления революционного кризиса 1848–1849 гг., Пешт держит «под прицелом»: так, зал «Вигадо», каким он возведен сейчас, расположен на месте предыдущего, который был разрушен в ходе обстрелов с крепости. Выше крепости (а значит, и дворца, и храма) располагается Статуя Свободы («Освобождения»), правда, солдат Советской империи, красноармеец, стоявший у подножия Свободы, теперь обитает в Мemento-парке. Таким образом, ансамбль Буда формирует довольно очевидную композицию, воплощающую высотную доминанту, образуя коннотации вертикали, упорядоченности, иерархии.

Противоположностью Буда служит просторный равнинный Пешт, не знающий наглядной и явно читаемой устремленной ввысь стройной иерархичности. В архитектурном отношении такой физический ландшафт повторен, застройка города выглядит относительно равномерно. Действительно, здесь находятся просторная улица Ваца с комплексом развлечений, центральный рынок, Еврейский квартал и восемнадцать расположившихся в Пеште университетов. Лишь один из них нарушает равнинную архитектонику Пешта – Университет Земмельвейса высотой 89 м. Создающаяся таким противолежанием бинарная оппозиция еще четче выявляет общую картину: Буда структурируется как символ доимперского прошлого, Пешт – как витрина империи.

Интересно, что у Будапешта есть святой покровитель (просветитель, бенедиктинский монах Геллерт), но, как и у других имперских городов, также «приписанный» к нему лишь формально. Мирского же покровителя Будапешта легко узнать: это императрица Сиси, в Венгрии известная как Эржбет. Хотя периода расцвета государственности и культурно-цивилизационных процессов Венгрия достигла в эпоху дуалистической монархии – исключительной, особой форме социально-политического устройства и жизни «умеренного процветания, относительного спокойствия и скромного благополучия» [3, с. 11], что напрямую должно быть связано с именем императора Франца Иосифа, в городе отсутствуют какие-либо памятники ему, площади, сады, скверы, парки, проспекты его имени, нет памятных

досок – будто его не существовало вовсе. Хотя императором Австро-Венгрии Франц Иосиф был сорок девять лет, всего на два года меньше, чем эта империя существовала. При этом стоит отметить, что при коронации Франца Иосифа Венгрия была не в лучшем экономическом положении, при нем же страна стала развиваться индустриально и экономически, что, очевидно, делает эпоху этого императора для Венгрии самой благополучной. ВВП страны при Франце Иосифе вырос втрое, увеличились темпы роста городов, развивались сталелитейная, металлургическая, машиностроительная отрасли промышленности. Появились трамвайные пути, телефонные аппараты, уличное освещение, через территорию страны стал курсировать Восточный экспресс. Заслуги Франца Иосифа в глазах венгров перечеркнуты все тем же национально-идентичным: казнью арадских мучеников и расстрелом Лайоша Батяни, первого премьер-министра Венгрии.

Мотив поиска идентичности, и идентичности сложной, мотив поиска покинутой и освоения обретенной родины и общего «сиротства» нации, обусловленные специфической историей, тесно связались между собой и глубоко укоренились в венгерской культуре. Проведя «Тысячелетие в центре Европы» [4], оставаясь «островом внутри Европы» [5], нация в своих литературных образцах свидетельствует о собственном национальном чувстве как о «беспрецедентном одиночестве», «коллективном неврозе» [6], судьбе «самого покинутого народа на земле» [7]: «...венгры пришли сюда тысячу лет назад и сегодня еще идут, если, конечно, не померли. Откуда идут и куда – никому не известно. А если кому известно, тот заблуждается. Тот не венгр. Или венгр, но не тот. В смысле – ненастоящий. Что есть венгр – покрыто большим туманом. Ясно только, что венгр ничем особенным не отличается, что выглядит он как все, везде легко приживается, за исключением Венгрии, где ассимилироваться ему невозможно – мешает общий язык» [цит. по 8, с. 212].

В Пеште располагается самая большая и одна из самых знаменитых площадей Будапешта, известная любому туристу, и с детства знакомая каждому венгру – Площадь Героев, иллюстрирующая замысловатые перипетии венгерской истории доимперского периода. Маркеры имперской идентичности просматриваются отчетливо и здесь, формируя «подходящую» мифологию героического периода истории. Действительно, доимперский период венгерской истории предельно мифологичен в силу фрагментарности и текстуальности его свидетельств; вербально же он в виде пластических либо архитектурных комплексов практически не явлен. В этой связи так важна Площадь Героев, выступающая в отсутствие подлинных свидетелей овеществленной манифестацией национальной героики и титулом, и своеобразным «алиби» сложившемуся к празднованию тысячелетия обретения Родины мифологическому корпусу, так необходимому для имперского статуса. Интересны и ремарки о мифологичности самого венгерского языка, который «не дисциплинирует его носителей в смысле необходимости тщательного исследования реальности. Более того, подобная лингвистическая гибкость просто подталкивает к импровизациям, и действительно венгры преуспели в создании длинных сказок и игнорировании реальных обстоятельств» (цит. по [8, с. 221]). Мифологичности, но и «сиротства» добавляет в культурную копилку и отношение венгерского языка к уральской языковой семье: не будучи индоевропейским, он играл в венгерской истории исключительную роль, очерчивая невидимую преграду вокруг венгерского «острова» в центре Европы, ведь на нем не говорил никто из живущих поблизости этносов.

И. Г. Гердер в «Идеях...» и вовсе настроен скептически к языковым и культурным перспективам мадьяр, хотя «сама Венгрия даже стала апостолическим королевством. Тут, между славян, немцев, валахов и других народностей, венгры составляют меньшую часть населения, так что через несколько веков, наверное, нельзя будет найти даже и самый их язык» [9, с. 488], поскольку «у венгерского языка нет будущего. Его идиомы не соответствуют европейским понятиям, распространение этого языка ограничено несколькими миллионами преимущественно необразованных людей. Если бы Кант написал “Критику чистого разума” по-венгерски, у него не нашлось бы и трех читателей. Венгр, говорящий только по-венгерски, остается мужланом, даже если обладает выдающимися способностями» [3, с. 126].

Суммой атрибутов, приличествующих имперскости, выступает композиция Площади Героев и ближайших к ней строений. Так, на самой площади расположены главные памятники. В первую очередь это возведенный в честь перехода венгерских племен через Карпаты и занятия карпатского бассейна монумент Тысячелетия, представляющий собой вертикальную колонну с расположенной на ней фигурой архангела Гавриила с двойным апостольским крестом и короной святого Иштвана в руках: по легенде, именно он, явившись Иштвану во сне, велел тому обратить мадьяр в христианскую веру. У подножия колонны располагается группа пластических изображений венгерских вождей во главе с «первым среди равных» – князем Арпадом. За колонной с архангелом находятся две колоннады – летопись героического периода в виде пластических изображений представителей династии Арпадов; далее располагаются представители династии Д’Анжу, затем князя Трансильвании и фигура Лайоша Кошута, революционера, юриста и борца за свободу периода Венгерской революции. По обе стороны от площади ансамбль завершают Музей изобразительных искусств и музей современного искусства, выполненные в стиле неоклассицизма, – обязательные, как и оперный театр, элементы имперского города. Под площадью располагается еще один такой маркер – станция первой ветки Будапештского метрополитена, самого старого на континенте, еще один атрибут империи.

Заключение. Таким образом, необходимо зафиксировать несколько специфических черт конституирования имперского городского мифа Будапешта. Во-первых, мотив настойчивого соперничества с первой столицей империи – Веной – настолько выразителен в городской ткани Будапешта, что это делает их антиподами. Кроме того, причудливое сочетание отсылок к другим городам Европы – и, конечно, главным образом к городам имперским, обнажает некоторую гротескность подражания сразу всему самому лучшему, богатому и изысканному. В-третьих, сакрализуется в Будапеште и его архитектурном облике не метафизический и религиозный символ – базилика Св. Стефана, а здание Парламента и связанные с ним смыслы культурной и политической эмансипации, независимости, самобытности. Суммируя эти особенности конституирования маркеров имперскости в городском пространстве Будапешта, можно с необходимостью констатировать, что Будапешт является призраком имперского города, имперским городом в отсутствии империи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой. М.: Прогресс, 1997.

2. Аноним. «Деяния венгров» магистра П., которого называют Анонимом / пер. В. И. Матузовой; вступ. ст. и коммент. М. К. Юрасова // Петербургские славянские и балканские исследования. 2007. № 1/2. С. 87–98.

3. Шарый А., Шимов Я. Корни и корона. Очерки об Австро-Венгрии. Судьба империи. М.: КоЛибри, 2011.

4. Контлер Л. История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы / пер. с англ. В. Т. Олейника. М.: Весь Мир, 2002.

5. Месеи М. Соревнование литератур: равенство шансов или гандикап? (Взгляд из Центральной Европы) // Венгры и Европа. Сборник эссе / пер. с венг. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 360–370.

6. Кестлер А. Тринадцатое колено. Крушение империи хазар и ее наследие / пер. с англ. А. Ю. Кабалкина. СПб.: Евразия, 2001.

7. Ийеш Д. Шандор Петефи / пер. с венг. Е. И. Малыхиной. М.: Художественная литература, 1972.

8. Чайковская А. Триумф красной герани. Книга о Будапеште. М.: Новое литературное обозрение, 2016.

9. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества / пер. А. В. Михайлова; отв. ред. А. В. Гулыга. М.: Наука, 1977.

Информация об авторе.

Мальцева Юлия Михайловна – кандидат философских наук (2015), доцент кафедры культурологии, философии культуры и эстетики Санкт-Петербургского государственного университета, Менделеевская линия, д. 5, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор более 20 научных публикаций. Сфера научных интересов: современная культура, авангард, театральный авангард, семиотика города, имперские города.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 27.05.2022; принята после рецензирования 05.07.2022; опубликована онлайн 22.11.2022.*

REFERENCES

1. Foucault, M. (1977), *Les Mots et les Choses. Une archéologie des sciences humaines*, Progress, Moscow, USSR.

2. "Gesta Hungarorum" of magister P., who is named Anonymous Author" (2007), Transl. by Matuzova, V.I., comment. Yurasov, M.K., *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, no. 1/2, pp. 87–98.

3. Sharyi, A. and Shimov, Ya. (2011), *Korni i korona. Ocherki ob Avstro-Vengrii. Sud'ba imperii* [Roots and crown. Essays on Austria-Hungary. The fate of the empire], KoLibri, Moscow, RUS.

4. Kontler, L. (2002), *A history of Hungary: millennium in Central Europe*, Transl. by Oleinik, V.T., Ves' Mir, Moscow, RUS.

5. Mészöly, M. (2002), "Competition of Literature: Equality of Chance or Handicap? (View from Central Europe)", *Vengry i Evropa. Sbornik esse* [Hungary and Europe. Essay collection], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, RUS, pp. 360–370.

6. Koestler, A. (2001), *The Thirteenth tribe. The Khazar Empire and its Heritage*, Transl. by Kabalkin, A.Yu., Evrazija, SPb., RUS.

7. Jlyes, G. (1972), *Petőfi Sándor*, Transl. by Malykhina, E.I., Hudozhestvennaja literatura, Moscow, USSR.

8. Chaikovskaya, A. (2016), *Triumf krasnoi gerani. Kniga o Budapeshte* [The triumph of red geranium. A book about Budapest], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, RUS.

9. Herder, I.G. (1977), *Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit*, Transl. by Mikhailov, A.V., Gulyga, A.V. (ed.), Nauka, Moscow, USSR.

Information about the author.

Yulia M. Maltseva – Can. Sci. (Philosophy) (2015), Associate Professor at the Department of Cultural Studies, Philosophy of Culture and Aesthetics, Saint Petersburg State University, 5 Mendeleevskaya line, St Petersburg 199034, Russia. The author of more than 20 scientific publications. Area of expertise: modern culture, avant-garde, theatrical avant-garde, urban semiotics, imperial cities.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 27.05.2022; adopted after review 05.07.2022; published online 22.11.2022.*